

В палате царило тревожное ожидание. Прошло четыре года: с восемнадцатилетия Е Чуяна до нынешних двадцати двух лет каждый день был наполнен страхом. Родные боялись, что душа Е Чуяна, покинувшая тело, не сможет найти дорогу домой; опасались, что даже если она вернется, то не сможет слиться с ним воедино; а больше всего страшились того, что Е Чуян так и останется в коме, и тогда что же будет с Чжоу Чэньяном?

С самого детства Чжоу Чэньян оберегал Е Чуяна, как зеницу ока. Даже когда Е Чуян был поглощен лишь учебой и не замечал его, он не сдавался. А теперь, когда душа Е Чуяна вернулась — та самая, что так глубоко любила Чжоу Чэньяна, — как же он мог смириться с тем, что тот так и будет неподвижно лежать перед ним?

Чжоу Чэньян придвинул стул, сел у кровати и, взяв руку Е Чуяна, переплел свои пальцы с его. Остальные присутствующие молча смотрели на них, мысленно поддерживая его.

В это время сам Е Чуян чувствовал, что находится в непроглядной тьме. Лишь вдалеке мерцали несколько разноцветных огоньков. Тепло в груди словно подсказывало ему: непременно поймай эти светящиеся точки. Е Чуян всегда следовал зову сердца, поэтому, повинаясь этому чувству, он тут же бросился к ближайшему огоньку.

Он собрал их все, но стоило ему задуматься, зачем они нужны — неужели для освещения? — как все десять точек разом влились в его тело, и он провалился в забытие.

Когда он вновь открыл глаза, за окном уже вовсю светило солнце. Ослепленный ярким светом, Е Чуян зажмурился и, не задумываясь, позвал:

— Даян-цзай, глазам больно.

Было восемь утра. Домашняя прислуга привезла завтрак в больницу, и семья как раз собиралась поест. Палата, которую директор Чжао выделил для Е Чуяна, была целым блоком: чтобы не мешать отдыху пациента, имелась отдельная зона для приема пищи и санузел, поэтому пробуждение Е Чуяна заметили не сразу. Услышав его голос, все тут же вбежали внутрь.

— Малыш, ты проснулся? Голова болит? Где-нибудь еще чувствуешь дискомфорт? — Чжоу Чэньян склонился над кроватью, заботливо поглаживая его по лбу.

— Даян-цзай, солнце слепит глаза. Иди и убери его, — Е Чуян, едва придя в себя и все еще страдая от резкого света, начал нести чепуху.

Стоявшие за спиной Чжоу Чэньяна люди невольно рассмеялись. Одни радовались его пробуждению, других же позабавила его фраза — надо же было такое придумать, убрать солнце!

— Слышал? Чжоу Чэньян, твой малыш просит тебя убрать солнце, чего же ты ждешь? — Е

Илин, видя, что брат очнулся, не упустил случая подшутить.

Обе мамы и дедушка тоже сияли от счастья: сын и внук очнулся, и груз многолетних тревог наконец упал с их плеч. Чжоу Чэньян пропустил колкость Е Илина мимо ушей. На глазах у всех он нежно поцеловал Е Чуяна в губы и ответил:

— Хорошо, малыш, сейчас я уберу солнце.

С этими словами он поднялся и задернул шторы, погрузив комнату в полумрак. Почувствовав, что темнота вернулась, Е Чуян потянулся рукой в пустоту. Чжоу Чэньян, не сводивший с него глаз, тут же сделал широкий шаг и подставил свою ладонь, чтобы Е Чуян мог ухватиться за нее.

— Что такое, малыш? — обеспокоенно спросил он, сжимая руку Е Чуяна.

— Ой, мои огоньки исчезли, — удивленно произнес Е Чуян, обнаружив, что вместо светящихся точек держит руку Даян-цзая.

Заметив его жест, Е Илин поспешил включить свет. Однако слова о каких-то огоньках всех озадачили.

— Какие огоньки, малыш? Расскажи мне, я помогу тебе их поймать, хорошо? — Чжоу Чэньян не знал, о чем речь, но сильно беспокоился: вдруг при слиянии души что-то пошло не так?

Е Чуян открыл глаза и увидел, что дедушка, обе мамы, брат с сестрой и Чжоу Чэньян смотрят на него с нескрываемой тревогой.

— Почему вы так на меня смотрите? — в недоумении спросил он.

— Да ничего, ничего, — Е Юэси, глядя на брата, поняла, что он явно забыл о том, что произошло мгновение назад.

— Ян-ян, ты помнишь, что с тобой случилось? — осторожно поинтересовалась госпожа Шэнь. Она боялась, что лишние вопросы вызовут у него головную боль — она ведь знала из телепередач, что после травм головы люди часто теряют память.

— Помню только, что Даян-цзай приехал за мной. Мы попрощались с режиссером Лю и сели в машину, потом Даян-цзай меня поцеловал, а потом у меня заболела голова. Дальше я оказался в каком-то темном месте, увидел маленькие светящиеся точки и начал их ловить. Как только собрал все, они сами вошли в мое тело, а потом я потерял сознание. Очнулся уже здесь, глядя на вас.

Услышав о поцелуе, Е Илин лишь презрительно фыркнул в сторону Чжоу Чэньяна, дедушка отнесся к этому спокойно, а вот три дамы с материнской улыбкой наблюдали за тем, как

крепко переплетены руки молодых людей. Они поняли: душа успешно слилась, и теперь можно вздохнуть с облегчением.

— Е Илин, сходи за врачом, пусть осмотрит Чуяна. Если все в порядке, будем собираться на выписку. А мы выйдем, дадим им побыть вдвоем и позавтракаем, — распорядился старик и первым вышел из палаты.

Ему, конечно, хотелось поговорить с внуком, но он считал, что сейчас время принадлежит Чжоу Чэньяну. Они — те, кому предстоит прожить вместе всю жизнь, и все видели, через что Чжоу Чэньян прошел за эти годы. Поэтому лучше было оставить их наедине.

<http://bllate.org/book/20518/2046326>